

Письма об Эдеме: адресат еще не выбыл

О романе Эрве Гибера *Le Paradis* («Галлимар», 1992)

Париж
Сергей Дедюлин

Ф

Французские киножурналы в последние месяцы переполнены фотоснимками привлекательной молодой звезды алжирского происхождения Изабеллы Аджани. В посвященных ей статьях восторженно преподносятся возвращение актрисы на экран после длительного отсутствия (причем часные «дивные дивы» Изабеллы противопоставляются якобы надоевшей «плоскости» Мадонны). Хотя на самом деле никакого возвращения пока не наблюдается: Аджани участвует в съемках всего лишь одного фильма («Интрижка с отравой» (*Toxic Affair*) Филомены Эспозито). Тем не менее французские кинорепортеры заранее прочат ему успех этой весной в Канне. Уже известно, во всяком случае, что именно эта лента откроет фестиваль, а завершится он просмотром новой работы Мартина Скорсезе «Нежный возраст» (*The Age of Innocence*) с Даниэлом Дэй-Лиусом в главной роли.

Вместо Чистилища

Изабелла Аджани объясняет свое исчезновение с экрана в расцвете феерической карьеры таинственной амурной историей, которая якобы вынудила ее к

Наступил момент, когда Изабелла решила вернуться в массовое сознание как бы «незапятнанной». Но слегка просчиталась.

Неожиданно для многих — не для одной Аджани — только что вышел в свет еще один, на этот раз действительно последний, написанный за полгода до кончины автора роман Гибера под названием «Рай». Отклики литературных критиков показали, что ни они, ни читатели ни о чем не забыли и что Изабелле Аджани придется жить, как и прежде, в ярких отблесках гиберовой прозы.

Рай

Достоверно известно, что, завершив два первых романа предсмертной трилогии («Другу, который не спас мне жизнь» и «Последний церемониал»), посвященные проблеме СПИДа, Эрве Гибер изо всех сил стремился — по крайней мере, в собственной прозе — позабыть о своей неизлечимой болезни и отвлечься на любые другие темы. Последней оказалась попытка вкушать земного розового рая, отправившись вдвоем с подругой в путешествие по обетованным туристическим уголкам Африки и Восточной Индии (которые, впрочем, вскоре обращаются в свою далеко не райскую противоположность). Вообще говоря, почти все произведения Гибера представляют собой прогулки, скитания, странствия. И во всех где-то на втором плане разворачивается криминальная интрига. В «Рае» герой — вместе с подозреваемой его самого полицией — не может найти объяснения гибели в вол-

ИЗАБЕЛЛА АДЖАНИ В ФИЛЬМЕ
«ИНТРИЖКА С ОТРАВОЙ»

катные месяцы своей долгой жизни она забыла обо всех увлечениях: сад, цветы, птицы, музыка, чтение, даже, пожалуй, мысли о горячо любимом внушательном племяннике, — все было отложено. Но каждый день Сюзанна упорно диктовала гувернантке подробные письма к своим родителям. Некоторая неловкость возникала, лишь когда вставал вопрос об адресе, по которому следовало отправлять эти письма.

На страницах, связанных с Сюзанной, жившей якобы в Швейцарии, затрагивается и русская тема. Ее сестра Луиза во время прогулки обращает внимание на одну из местных достопримечательностей: «Смотрите, вот православная церковь. Там, должно быть, очень красиво. Как жаль, что мы не можем туда зайти». (Вероятно, оттого, что из католического рая туда хода нет?...). Или же, признаваясь читателю в своей мечте еще раз, напоследок, побывать в Африке, Гибер вспоминает книги других путешественников по Черному континенту. В связи с этим он называет не только Артюра Рембо или «Африканские впечатления» Ремона Русселя, но и впервые полностью раскрывает в своей прозе имя приятеля и собрата по литературному цеху со странной для русского уха формой фамилии — Эжена Савицкой (*Eugene Savitzkaya*; этот живущий в Бельгии французский писатель выбрал себе псевдоним в честь матери, родившейся в России).

В преддверии Изгнания

Как уже было сказано, Эрве Гиберу хотелось бы увернуться от мыслей о досрочно и неумолимо приближающемся конце. Он пытается забыться в объятиях Джейн, надеясь любыми способами встряхнуть и ее цветущее, и свое вянувшее тело. В том числе — при помощи кстати оказавшегося под рукой ствола револьвера, применяемого, впрочем, отнюдь не по своему прямому назначению, а призванного непосредственно воплотить мужское начало.

Но мысль о главном и неизбежном неугомонно возвращается к герою, то есть к самому автору книги «Рай». Случайно попав в африканскую деревню, в темную каморку посреди раскаленной Мали, он видит сжавшегося в углу чернокожего мальчика с несущественно блестящими и увеличенными глазенками. «Чем он болен?» — спрашивает Гибер у отца малыша. «СПИДом», — отвечает тот пришедшую из белого рая, отражение которого в зеркале на наших глазах размывается и мутнеет.

ЭРВЕ ГИБЕР В АФРИКЕ

трехлетнему затворничеству в Англии. Неловкое и наивное объяснение; тем более, что оно предьявлено миру жесткого коммерческого профессионализма, каким является западный кинематограф и в котором актриса до сих пор ориентировалась весьма умело.

В связи с этим естественно вспомнить, что как раз три года назад вышел в свет сразу ставший бестселлером и быстро переведенный на многие языки, включая русский, автобиографический роман молодого французского писателя Эрве Гибера «Другу, который не спас мне жизнь». Одной из героинь этого повествования являлась некая кинодива Марина, в которой легко угадывался прототип — а именно, Изабелла Аджани (к тому же в своих интервью сам романист не раз это подчеркивал). Некоторые поступки Марины, в том числе и в профессиональной области, носили отнюдь не самый привлекательный характер. Аджани предпочла не реагировать вслух на документальную беллетристику с правдивыми, по всей видимости, эпизодами из ее биографии, но все же на время исчезнуть из поля зрения общества. В конце 1991 года писатель скончался — 36 лет от роду. Прижизненно и посмертно опубликованные книги, казалось, заслонили собой успех романа «Другу, который не спас мне жизнь».

нах среди кораллов своей очаровательной спутницы, бывшей чемпионки по плаванию.

Следует отметить, что название книги, по мысли автора, не заключает в себе религиозных ассоциаций. Словами Джейн Хайнц, попутчицы героя, Эрве Гибер объясняется с читателями: «Слово *le Paradis* прозвучало как нечто сказочное. Это не имело ничего общего с религией, потому что наши родители не дали нам соответствующего воспитания, и для меня рай является не меньшей китайской премудростью, чем, например, ад, я ничего не знала об этих мифах; но внезапно вылетевшее из уст Ирвина слово должно было означать нечто самое утонченное, абсолютную мечту, вершину, попросту Рай, наконец, и этот Рай мне хотелось бы познать».

Как обычно в прозе Гибера, жгучее и хаотическое повествование о печально закончившемся трансатлантическом путешествии содержит немало аллюзий на другие обстоятельства и отступлений об иных героях собственной биографии автора. В «Рае», например, завершается рассказ о двоюродных бабушках писателя: впервые им обоим была посвящена вторая по счету его книга, фотороман «Сюзанна и Луиза», изданный еще в 1979 году. Здесь же описывается уход из жизни 90-летней старухи Сюзанны. Гибер рассказывает, что в за-